801-83
1028X-1
256
101

Б. БОРОХОВЪ.

КЛАССОВЫЕ МОМЕНТЫ НАЦІОНАЛЬНАГО ХАРАКТЕРА

ЦѢНА 10 КОП.

КНИГО-ИЗДАТЕЛЬСТВО „КАДИМА"
ОДЕССА

А 256
1101

Б. БОРОХОВЪ.

801-17
3797

Классовые моменты національнаго вопроса.

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦОВ. МУЗЕИ
БИБЛІО-ТЕКА

Книгоиздательство „КАДИМА“.
ОДЕССА.
1906.

Дозволено цензурою. Одесса, 4-го Февраля 1906 г.

Тип. Торг. Дома Г. М. Левинсонъ, Одесса, Ришельевская 17.

Классовые моменты національнаго вопроса.

Въ знаменитомъ предисловіи къ «Zur Kritik и т. д.» Марксъ говоритъ: «In der gesellschaftlichen Produktion ihres Lebens gehen die Menschen bestimmte, nothwendige, von ihrem Wileen unabhängige Verhältnisse ein, Productionsvehältnisse, die einer bestimmten Entwicklungsstufe ihrer materillen Produktivkräfte entsprechen».[1]) Но это *творчество общественной жизни совершается въ опредѣленной обстановкѣ сложившихся внѣобщественныхъ, природныхъ и историческихъ условій.* Развитіе производительныхъ силъ происходитъ въ средѣ извѣстныхъ условій, ибо сами эти производительныя силы—«конечный счетъ» матеріалистическаго пониманія исторіи—не представляютъ собою ничего абсолютнаго, ничего безусловнаго. *Условія* же производства чрезвычайно разнообразны. Это во первыхъ, географическія условія климата, почвы, устройства поверхности, береговой линіи; это во-вторыхъ, антропологическія условія, какъ внутри самой группы, такъ и внѣ ея, въ соціальныхъ отношеніяхъ ея къ сосѣдямъ, т. е. условія, сами создавшіяся въ процессѣ производства, но получившія нѣкоторую степень самостоятельнаго вліянія. Всѣ эти условія признаетъ Энгельсъ въ своемъ извѣстномъ второмъ письмѣ въ «Socialistischer Akademiker», гдѣ къ числу факторовъ, варіирующихъ «экономику», онъ относитъ также расы и географическую среду, равно какъ и исторически сформировавшуюся индивидуальность. Въ III томѣ «Капитала» Марксъ самъ заявляетъ: «Dieselbe ökonomische Basis—dieselbe den Hauptbedingungen nach—kann durch zahllos *verschiedene empirische Umstände, Naturbedingungen, Racenverhältnisse,* von aussen wirkende *geschichtliche Enflüsse u s. v.,* unendliche Varia-

[1]) „Создавая свою общественную жизнь, люди вступаютъ другъ съ другомъ въ опредѣленныя, необходимыя, независимыя отъ ихъ воли отношенія, производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ“.

tionen und Abstufungen in der Erscheinung zeigen».[1]) Итакъ, по признанію самихъ творцовъ историческаго матеріализма, одна и та же схема развитія производительныхъ силъ, свойственная всѣмъ народомъ и обществамъ, варіируетъ и даже весьма замѣтно, сообразно различіямъ въ *условіяхъ* производства. Конечно, эти условія производства тоже не безусловны, какъ и все въ мірѣ, и сами тоже находятся въ процессѣ безпрестаннаго развитія и накопленія; они даже могутъ, въ свою очередь, подвергаться обратному вліянію изъ нихъ же возникшихъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній. Однако, изъ вышеупомянутыхъ поучительныхъ, но мало кого до сихъ поръ поучившихъ, разъясненій «учителей» вытекаютъ чрезвычайно важныя заключенія на счетъ національности и націонализма. Въ понятіи условій производства мы получаемъ прочный исходный пунктъ для построенія чисто-матеріалистической теоріи національнаго вопроса. Если въ развитыхъ *принципахъ* марксизма заключается теорія *классовой борьбы*, то въ мимоходомъ брошенныхъ «учителями» и загнанныхъ «учениками» *оговоркахъ* марксизма содержится теорія *борьбы національной*.

Въ мірѣ нѣтъ ничего такого, что было бы абсолютно замкнуто, совершенно изолировано отъ окружающаго міра; но относительно замкнутымъ можно часто считать многое и многое, и въ интересахъ научнаго изслѣдованія нерѣдко прибѣгаютъ къ этому пріему отвлеченія отъ среды. Человѣчество мы даже въ настоящее время можетъ принять за совокупность *относительно* замкнутыхъ цѣлыхъ,—повторяемъ и подчеркиваемъ: *относительно*. Изслѣдуя такое относительно замкнутое цѣлое, мы можемъ говорить о *внутреннихъ* и *внѣшнихъ* отношеніяхъ. И, наоборотъ, если говоритъ о чемъ-либо *внѣшнемъ*, это имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда имѣютъ въ виду какое-либо относительно замкнутое цѣлое. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и говоритъ въ вышеприведенной цитатѣ объ «*извнѣ* дѣйствующихъ вліяніяхъ»—значитъ, «учитель» не усмотрѣлъ бы никакой „ереси" въ признаніи нѣкоторой относительной замкнутости современныхъ обществъ.

[1]) II полутомъ, 324 „Одна и та же экономическая основа, тождественная въ главныхъ условіяхъ, можетъ однако, благодаря безчисленнымъ *разнообразнымъ эмпирическимъ (фактическимъ) обстоятельствамъ, естественнымъ условіямъ природы, расовымъ отношеніямъ*, извнѣ дѣйствующимъ *историческимъ вліяніямъ и т. п.* обнаруживать безконечныя варіаціи и постепенные переходы". (Курсивъ нашъ).

Чѣмъ же создается эта относительная замкнутость общественной жизни, позволяющая намъ трактовать данную общественную группу, какъ нѣчто отдѣльное, особое? Ничѣмъ инымъ, какъ относительною же замкнутостью *условій производства*, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ эта самая группа. Иногда такую группу обозначаютъ названіемъ «соціально-экономическаго организма». По мѣрѣ роста производительныхъ силъ, люди вступаютъ между собою во все болѣе тѣсныя отношенія, какъ внутри даннаго соціально-экономическаго «организма», такъ и за его предѣлами,—и «организмъ» этотъ становится все менѣе и менѣе замкнутымъ, равно какъ и смежные съ нимъ «организмы». Безспорно, конечно, что ростъ производительныхъ силъ ведетъ если не къ *сліянію* этихъ «организмовъ», на которые дѣлится человѣчество, то во всякомъ случаѣ, къ ихъ *сближенію*. Но самый этотъ ростъ совершается внутри данной относительно замкнутой совокупности условій производства. Такимъ образомъ, мы получаемъ слѣдующую двустепенную группировку человѣчества, на которую указалъ уже Зомбартъ: 1) тѣ группы, на которыя раздѣляется *человѣчество* въ зависимости отъ различій въ *условіяхъ* относительно-замкнутаго производства, называются *обществами*, соціально экономическими «организмами» (племена, роды, народы, національности); 2) тѣ группы, на которыя раздѣляется *общество* въ зависимости отъ различнаго участія въ *способѣ* производства, отъ различнаго отношенія къ *орудіямъ* производства, называются *классами* (касты, сословія и т. п.). Положеніе въ способѣ производства можетъ быть болѣе или менѣе удобнымъ или неудобнымъ, выгоднымъ или невыгоднымъ; стремленіе членовъ общества завладѣть болѣе удобнымъ положеніемъ, или сохранить за собою занятое, порождаетъ *борьбу классовъ*. Положеніе въ средѣ однихъ матеріальныхъ условій производства можетъ быть выгоднѣе, нежели положеніе въ средѣ другихъ матеріальныхъ условій производства; съ другой стороны, какъ бы ни было удобно положеніе общества въ средѣ привычныхъ для него условій производства, оно, однако, можетъ стремиться къ расширенію своего производства, къ обогащенію своего запаса энергіи, а для этого оно нуждается въ расширеніи сферы своихъ условій производства и въ захватѣ чужихъ. Изъ обоихъ этихъ основаній возникаетъ *борьба общественныхъ цѣлыхъ*. Владѣніе орудіями производства составляетъ

классовое достояніе; владѣніе условіями производства составляетъ общественное достояніе. Орудія производства бываютъ «матеріальныя» и «духовныя», т. е. отчуждаемыя и неотчуждаемыя. Вообще, матеріальнымъ владѣніемъ зовется такое, которое можно отнять; таковы напр., машины. Такъ какъ у рабочаго можно за плату отнять свободу распоряженія его силой—рабочая сила тоже является однимъ изъ матеріальныхъ орудій труда. Духовнымъ, наоборотъ, называется такое владѣніе, которое невозможно экспропріировать[1]); таковы всякіе техническіе пріемы и навыки. Также и достояніе общественныхъ цѣлыхъ бываетъ матеріальное, т. е. отчуждаемое, и духовное, т. е. не поддающееся экспропріаціи, отчужденію. Къ первому относится территорія и всѣ продукты матеріальной культуры, созданные людьми—вообще «матеріальныя» условія производства; ко второму—языкъ, правы, обычаи, міросозерцаніе, словомъ «историческія» условія производства. Подобно тому, какъ борьба кллассовъ ведется не изъ-за «духовныхъ», а изъ-за «матеріальныхъ» орудій и средствъ труда, хотя зачастую и выступаетъ въ формѣ духовно-культурническихъ идеологій, такъ равно и борьба общественныхъ цѣлыхъ ведется не изъ-за «духовнаго» достоянія, а въ конечномъ счетѣ изъ-за «матеріальнаго», хотя нерѣдко подъ флагомъ «духовныхъ» цѣнностей.

Психика личности приспособляется въ той или иной мѣрѣ къ условіямъ существованія ея группы. Такимъ образомъ, при посредствѣ психическаго подбора, вырабатывается групповая психологія, складываются опредѣленныя черты группового характера, въ которыхъ опытный или проницательный взоръ всегда откроетъ, порой чрезвычайно замаскированное, отношеніе къ матеріальной обстановкѣ производственной жизни, къ опредѣленному типу способа производства и къ опредѣленной совокупности его условій[2]). Впрочемъ, хотя индивиды данной группы, общества или класса, обнаруживаютъ въ общемъ и цѣломъ весьма сходныя черты, тѣмъ не менѣе далеко не всегда это сходство знаменуетъ дѣйствительную солидарность интересовъ и не всегда сопровождается сознаніемъ этой солидарности. Существуютъ такія группы, члены которыхъ и не могутъ быть солидарны между собою, раздираются внутренними антагонизмами; тутъ абсолютно отсутствуетъ основа для сознанія чувства группового единства, того, что Гиддинсъ называетъ «сознаніемъ рода». И даже группы съ дѣйствительно солидарными гармоничными интересами не легко приходятъ къ сознанію этой солидарности; оно требуетъ для своей выработки болѣе или менѣе долгаго процесса эволюціи; но въ такихъ гармонически построенныхъ группахъ психическій подборъ, создавая въ индивидахъ гармонизирующія приспособленія къ ихъ ближнимъ, способствуетъ образованію въ нихъ сознанія этой гармоніи. Такъ, помимо группового характера, жизнь въ однородныхъ и къ тому же гармоническихъ условіяхъ или же отношеніяхъ производства создаетъ иногда и групповое *самосознаніе*. Группирующіяся вокругъ него эмоціи даютъ въ общей сложности то, что зовется чувствомъ близости и *родства*. Жизнь въ однихъ и тѣхъ же ~~условіяхъ~~ отношеніяхъ *производства*, *если* эти ~~условія~~ отношенія складываются *гармонично* для индивидовъ группы, порождаетъ въ ней *классовое самосознаніе* чувство *классового братства*. Жизнь въ однихъ и тѣхъ же *условіяхъ производства*, *если* эти *условія* складываются *гармонично* для индивидовъ общественнаго цѣлаго, порождаетъ въ немъ *національное самосознаніе* и чувство *національнаго родства*. Это родство люди *ощущаютъ, какъ нѣчто, связанное съ общимъ ихъ прошлымъ* и выросшее на его почвѣ; отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что у нихъ дѣйствительно *древнее* общее прошлое. Иногда древность общаго прошлаго только иллюзія.

---

[1]) Особое положеніе занимаетъ здѣсь такое достояніе, которое относится къ собственному тѣлу. Хотя его и частей его, равно какъ и его силы, невозможно экспропріировать въ собственномъ смыслѣ этого слова, однако оно по праву называется „матеріальнымъ“.—Само собой, мы здѣсь опредѣляемъ лишь различіе между „матеріальнымъ“ и „духовнымъ“ *владѣніемъ*, отнюдь не между „матеріальнымъ“ и „духовнымъ“ *вообще*.

[2]) Всякій вообще подборъ заключается въ томъ, что въ борьбѣ между различными состояніями, между различными существами, побѣждаетъ то изъ нихъ, которое болѣе *приспособлено* къ условіямъ среды. Существа и состоянія, приспособленныя къ средѣ, выживаютъ, а неприспособленныя вымираютъ. Между психическими состояніями одного и того же индивида тоже происходитъ борьба, среди нихъ тоже дѣйствуетъ подборъ. Тѣ психическія состоянія, которыя приспособлены къ условіямъ среды, постепенно крѣпнутъ и становятся привычными, глубоко осѣдаютъ въ душѣ индивида, вытѣсняя состоянія неприспособленныя. Поэтому у разныхъ индивидовъ, живущихъ въ сходныхъ условіяхъ, выживаютъ лучше всего также и сходныя состоянія и сходныя черты характера, ибо всѣмъ этимъ индивидамъ приходится *приспособляться* къ *сходнымъ* условіямъ. Такимъ образомъ, *благодаря психическому подбору образуется групповой характеръ*, т. е. у индивидовъ одной и той же группы вырабатываются сходныя черты.

Извѣстно, какъ неустойчиво и, пожалуй, даже сбивчиво, то понятіе о классѣ, которымъ оперировалъ Марксъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Съ одной стороны, Марксъ понималъ подъ классомъ каждую общественную группу, отличающуюся отъ другихъ группъ въ томъ же самомъ обществѣ по своему участію въ способѣ производства общественной жизни и своему отношенію къ орудіямъ труда. Въ этомъ смыслѣ Марксъ и Энгельсъ и утверждали, что исторія общества есть исторія борьбы классовъ. Но къ тоже время мы находимъ у Маркса такія заявленія, которыя обнаруживаютъ, что Марксъ пользовался и другимъ, гораздо болѣе узкимъ понятіемъ о классѣ: именно, подъ классомъ разумѣется не всякая экономическая группа съ особымъ *положеніемъ* въ способѣ производства, а только такая, которая достигла стадіи *самосознанія* и выступила на политическую арену съ ясно выраженными интересами и требованіями. Оба значенія одного и того же слова «классъ» можно наблюдать, напримѣръ, въ Misère de la philosophie. Такъ, на стран. 178 (первое франц. изд. 1847 г.) мы читаемъ: «C'est dans un ordre de choses où il n'y aura plus de classes et d'antagonisme de classes»[1])—здѣсь понятіе класса является въ первомъ изъ двухъ вышеуказанныхъ значеній. На стр. 118 мы имѣемъ: «Tant que le prolétariat n'est pas encore assez développé pour se constituer en classe, que par conséquant la lutte même du prolétariat avec la burgeoisie n'a pas encore un caractère politigue»[2]). Или же на стр. 176: «Les différentes phases historiques que la burgeisie a parcourues, depuis la commune jusqu'à sa constitution en classe»[3]). Тамъ ужъ мы, наоборотъ, имѣемъ понятіе класса во второмъ изъ вышеизложенныхъ значеній. Тамъ же Марксъ проводитъ различіе между двумя состояніями группы—однимъ, когда она является классомъ лишь въ отношеніи къ другимъ группамъ, что соотвѣтствуетъ первому изъ вышеизложенныхъ значеній, и вторымъ, когда она выходитъ на поприще политической борьбы и становится классомъ для самой себя (pour elle-même). Вся эта неустойчивость происходитъ отъ того, что группы, занимающія различное положеніе въ *способѣ* производства, не носятъ, какъ это слѣдовало бы, двухъ различныхъ названій въ зависимости отъ того, развились ли онѣ до стадіи самосознанія или нѣтъ; наука и для того и для другого состоянія владѣетъ однимъ только обозначеніемъ „классъ". Въ этомъ отношеніи группы, выросшія въ различныхъ *условіяхъ* производства, поставлены болѣе благопріятно. Именно, *общественное цѣлое, выросшее на почвѣ общихъ условій производства, называется обыкновенно народомъ*, а то же *цѣлое, объединенное сверхъ того сознаніемъ родства на почвѣ общаго историческаго прошлаго, обыкновенно называется націей*[1]). Народъ, стало быть, дѣлается націей лишь на сравнительно высокихъ ступеняхъ развитія и въ этомъ смыслѣ мы вполнѣ подписываемся подъ словами г. Милюкова: «національность не есть причина всѣхъ явленій соціальной исторіи, а скорѣе *результатъ* исторіи»[2])—но, само собой разумѣется, далеко не въ томъ значеніи, въ какомъ это высказано почтеннымъ ученымъ.

Чувство родства на почвѣ общаго историческаго прошлаго, коренящееся въ общихъ и гармоническихъ условіяхъ производства, и называется націонализмомъ.

Націонализмъ въ конечномъ счетѣ всегда имѣетъ отношеніе къ матеріальному достоянію націи. Достояніемъ же этимъ являются, какъ мы видѣли, условія производственной жизни общественнаго цѣлаго. Основною формою національнаго достоянія и служитъ то вмѣстилище, та база, на которой комбинируются условія производства; база эта—территорія. Помимо того, всякая національность, насколько можетъ, владѣетъ *защитными формами* своего достоянія; таковыми являются политическое единство и институты, языкъ, національное воспитаніе и самый націонализмъ, какъ извѣстное

[1]) „При такомъ порядкѣ вещей (строѣ), когда не будетъ больше классовъ и антагонизма классовъ".

[2]) „Насколько пролетаріатъ еще не достаточно развился, чтобы установиться, какъ классъ, настолько, стало быть, самая борьба пролетаріата съ буржуазіей еще не носитъ политическаго характера".

[3]) „Различныя историческія фазы, которыя прошла буржуазія, начиная съ городской общины, прежде чѣмъ установиться, какъ классъ".

[1]) Разумѣется, ни для кого не обязательна эта терминологія; но если мы примемъ въ разсчетъ, что въ средніе вѣка не было національнаго вопроса, хотя и существовали разные народы, что понятіе *націи* связано съ *національнымъ вопросомъ*, что этотъ послѣдній возможенъ лишь при наличности національной борьбы, т. е. подъ условіемъ наличности *націонализма и національнаго самосознанія*,—тогда мы поневолѣ придемъ къ изложеннымъ опредѣленіямъ.

[2]) Цитировано по статьѣ г. Любарскаго, „Обозрѣніе", VIII, 1905, стр. 55.

психическое состояніе--подчасъ даже какъ доминанта[1]) индивидовъ—призванное охранять національную собственность и единство. Но нація въ свою очередь раздѣляется на классы (въ обоихъ значеніяхъ этого слова). Относясь различно къ общему національному достоянію, полагая центръ тяжести своихъ интересовъ въ различныхъ сторонахъ его, эти классы обнаруживаютъ и соотвѣтственно *различные типы* націонализма. Кромѣ того, если мы еще опредѣлимъ націонализмъ чисто формально, какъ стремленіе защищать національные интересы, которые всегда такъ или иначе связаны съ общимъ вмѣстилищемъ условій производства, т. е. съ территоріей, и съ ихъ защитными формами,—тогда мы получимъ, въ зависимости отъ различія самихъ этихъ національныхъ интересовъ, также и *разные типы* націонализма. Интересы національные могутъ быть внѣшніе и внутренніе, могутъ быть наступательные, оборонительные, охранительные и прогрессивные. Все это, конечно, вноситъ свои варіаціи.

Никакого націонализма не можетъ быть тамъ, гдѣ условія производства еще не націонализированы, т. е. гдѣ еще не ограничилось снаружи и не сплотилось внутри относительно замкнутое общественное цѣлое. Именно, должны быть удовлетворены *оба* условія. Феодальный строй удовлетворялъ только *первому* изъ нихъ; онъ только отграничилъ другъ отъ друга различныя общественныя цѣлыя, но не сплочалъ ихъ индивидовъ тѣсными внутренними связями. Вотъ почему феодальная эпоха, не вѣдая дѣйствительной гармонической цѣльности условій производства, не вѣдала націй, имѣя лишь народы, не вѣдала націонализма и національнаго вопроса. Первобытный націонализмъ чисто-политическаго характера временами вспыхивалъ стихійно въ моменты особаго обостренія внѣшнихъ, международныхъ отношеній, оживалъ и умиралъ одновременно съ крупными войнами. Эти послѣднія также велись не изъ-за національныхъ интересовъ, и не были національны. Когда въ нѣдрахъ феодальнаго порядка сталъ развиваться торговый капиталъ, тогда же сталъ назрѣвать крупный переворотъ, сопровождавшійся постепеннымъ образованіемъ національности, націонализма и ихъ по-

[1]) Доминатной Авенаріусъ называетъ такой установившійся психическій навыкъ человѣка, который господствуетъ надъ всѣми другими навыками и состояніями, ярче всѣхъ выдѣляется и составляетъ „характерную черту“ даннаго человѣка.

рожденія —національнаго вопроса. Примитивная національная политика—которую, собственно, и нельзя еще назвать національною—начала переходить извнѣ внутрь, становиться изъ спорадической и чисто-временной постоянною и послѣдовательною, и, лишь перешедши внутрь, стала, дѣйствительно, національною. Развитіе капитала расшатывало постепенно устои *удѣльнаго* порядка, и на этой почвѣ, съ помощью того же капитала, происходило «собираніе страны», оформлялись крупныя монархіи. Что же, какой интересъ толкалъ это движеніе, націонализировавшее условія общественнаго производства?

Ясно, что буржуазія, торговая и промышленная, первая носительница національныхъ вѣяній, молодая и прогрессивная, энергично творившая новый міръ въ борьбѣ съ тисками ancien régime'a, не могла быть въ то же время хранительницей традиціонныхъ устоевъ. *Съ первыхъ своихъ шаговъ нарождающійся націонализмъ не имѣетъ ничего общаго съ традиціями.*

Всеобщимъ и необходимымъ *условіемъ*, предпосылкой капиталистическаго способа производства является *свобода*. Торговля и промышленность успѣваютъ лишь при свободѣ конкурренціи: это значитъ свобода *обращенія и передвиженія* капиталовъ и товаровъ. Прибавочная стоимость, это жизненное питаніе, этотъ живительный сокъ капитала, возможна лишь тамъ, гдѣ рабочій свободно распоряжается своею силою: а это означаетъ свободу *передвиженія* рабочаго. Свобода передвиженія, первая и важнѣйшая изъ всѣхъ свободъ, та, безъ которой всѣ другія свободы не имѣютъ смысла и цѣнности, есть первое условіе капиталистическаго производства. Перецвиженіе предполагаетъ *территорію*. Въ первую эпоху развитія буржуазнаго хозяйства границы распространенія языка были почти неопредѣлимы, и думать объ ихъ уничтоженіи не представлялось возможнымъ: раньше всего надо было сдѣлать свободною и доступною для передвиженія ту территорію, на которой господствуетъ данный языкъ. Надо было *раскрѣпостить* населеніе территоріи и устранить феодальныя перегородки, которыя, покрывая страну густою сѣтью, мѣшали свободѣ передвиженія. Буржуазія въ тѣ времена *создавала* относительно-замкнутый соціальный «организмъ», она раскрѣпощала и гармонизировала условія его производства. Вотъ почему она была націоналистична. Она,

сверхъ того, освобождала все населеніе страны, конечно не своимъ умомъ и капиталомъ, а руками того же населенія, она составила коалицію со всѣми слоями противъ одного, противъ тогдашнихъ верховъ: это еще болѣе питало и ободряло ея боевой, воистину прегрессивный націонализмъ. *Народы* Европы въ ту пору стали *націями*, выработали въ себѣ національное самосознаніе, члены націи прониклись чувствомъ родства на почвѣ общаго историческаго прошлаго, что въ переводѣ на матеріалистическій языкъ означаетъ— на почвѣ общихъ условій производственной жизни; народы, заинтересованные въ созданіи общаго достоянія, поняли, что оно у нихъ есть, только надо его вырвать изъ рукъ господствующаго феодализма. Они полюбили свою территорію— «родину», «отчизну»—общую базу условій производства; они полюбили ея защитныя формы, стали культивировать языкъ, мечтали объ истинно-національномъ государствѣ. На ряду съ этимъ прогрессивнымъ націонализмомъ, боевая буржуазія питала и космополитическое, вѣрнѣе, универсальное настроеніе: она стремилась облагодѣтельствовать все человѣчество, смести феодализмъ съ лица земли. Всемірныя войны Наполеона не преслѣдовали никакихъ націоналистическихъ цѣлей; не было и признака желанія подавить чужія національности, истребить ихъ языки, нивеллировать нравы, обычаи. Нѣтъ, молодая буржуазія была очень внимательна и чутка къ особенностямъ покоренныхъ народовъ; Наполеонъ хотѣлъ упрочить свое *личное* вліяніе, распространить его на весь міръ, но ничего не предпринималъ для сліянія покоренныхъ народовъ. Наоборотъ, онъ всюду лишь перемѣнялъ династію, оставляя народы самостоятельными [1]). Націоналистическая волна, прокатившаяся по Европѣ, смыла, наконецъ, и то отдаленное подобіе космополитизма, что было сооружено Наполеономъ.

Ходячія мнѣнія о французской революціи обыкновенно имѣютъ въ виду именно эту универсалистическую сторону ея, раціонализмъ и узкій схематизмъ ея провозвѣстниковъ, философовъ и писателей просвѣщенія, а также наиболѣе видныхъ и шумныхъ актеровъ революціи, якобинцевъ. Но до

[1]) Какъ извѣстно, въ своихъ войнахъ Наполеонъ опирался иногда на подавленныя народности, нападая на ихъ угнетателей.—Судя по нѣкоторымъ даннымъ, онъ даже помышлялъ о возвращеніи Палестины евреямъ.

революціи идеологія космополитизма, односторонняго и лишеннаго историческаго чутья, была распространена какъ разъ въ средѣ вырождавшейся аристократіи и тѣхъ интеллигентныхъ выходцевъ изъ буржуазіи, которые, однако, порвали съ нею всякую связь и вращались въ аристократическихъ кругахъ [1]). Во время же самой революціи якобинцы опирались также не на буржуазію, а на Lumpenproletar'скіе и мелко-мѣщанскіе подонки городского населенія, и могли удержаться на самомъ гребнѣ революціонной волны лишь до тѣхъ поръ пока приходилось преодолѣвать упорное внутреннее сопротивленіе реакціонныхъ окраинъ. Въ томъ пестромъ хаосѣ, который представляетъ собою французская революція какъ въ ея подготовкѣ, такъ и въ судорожныхъ движеніяхъ самого ея хода, буржуазія со своими истинными представителями подчасъ терялась въ общей путаницѣ и вообще рѣдко выходила на *авансцену*. Но побѣдили, *исторически* побѣдили не якобинство, не раціонализмъ и не космополитизмъ, а умѣренные противники якобинцевъ, историческій смыслъ, чуткость къ индивидуальнымъ особенностямъ и націонализмъ. Поэтому совершенно произвольно такое напримѣръ, заявленіе г. Любарскаго: «Особенно яркое проявленіе націонализма мы видимъ только въ тѣ историческіе моменты, когда идетъ коренная ломка и измѣненіе установившихся традиціонныхъ формъ» [2]). Какъ мы видимъ, это далеко не соотвѣтствуетъ исторической правдѣ.

Націонализмъ пробился на поверхность лишь послѣ того, какъ революція стихла; до тѣхъ поръ онъ спокойно протекалъ въ самой глубинѣ. Послѣ революціи обнаружилось ясно-очерченное разслоеніе общества, нація предстала въ видѣ системы различныхъ классовъ. Отвоевавъ свое національное достояніе, они должны были приступить къ дѣлежу добычи. Съ еще большей силой вновь возгорѣлась классовая

[1]) Феодалы, какъ представители власти, оторванной отъ реальныхъ нуждъ страны, не могли и чувствовать привязанности къ ней; кромѣ того, имъ было вполнѣ безразлично, *гдѣ* именно находились тѣ участки земли, съ которыхъ они получали ренту. Говорили между собою всѣ духовные феодалы всѣхъ странъ на латинскомъ языкѣ, всѣ свѣтскіе— на французскомъ. Въ силу всего этого націонализмъ имъ былъ совершенно чуждъ.

[2]) См. „Образованіе" кн. VIII, 1905 г. стр. 61. „Два соціальныхъ типа".

борьба, «народъ»—верховный принципъ политики—оказался фикціей, гармонія и солидарность разсѣялись, какъ дымъ. «Наша» родина, «наша» страна, «нашъ» языкъ, «наша» культура —всѣ эти условія производственной жизни, оставаясь *національнымъ* достояніемъ, перестали казаться *общимъ* достояніемъ членовъ націи. Самое сознаніе родства на почвѣ общаго историческаго прошлаго утратило острую форму горячаго чувства, уцѣлѣвъ лишь въ смягченномъ видѣ пережитка. *Оно стало традиціей. Рѣчь идетъ о націяхъ свободныхъ, не угнетающихъ и не угнетенныхъ*, и живущихъ въ нормальныхъ условіяхъ производства. У нихъ-то сознаніе и чувство родства выродилось въ традиціонное сознаніе рода, въ историческую память. Вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріальныя условія жизни, порождая антагонизмъ классовъ, отодвинули эту традицію на самый задній планъ, отняли у нея *всякое общественное вліяніе*, до реакціоннаго включительно. Каждый классъ занялъ свою соціальную позицію и облюбовалъ со своей классовой точки зрѣнія особую грань національнаго достоянія, именно ту, съ которою онъ тѣснѣе всего соприкасается.

У *свободныхъ*, никого не угнетающихъ и никѣмъ не угнетенныхъ націй, нѣтъ такой сферы, вокругъ которой могли бы группироваться *національные интересы*, т. е. нѣтъ той области условій производства, гдѣ были бы задѣты общіе гармоническіе интересы всѣхъ членовъ націи. У нихъ нѣтъ живого націонализма; онъ проявляется лишь въ слабыхъ симпатическихъ эмоціяхъ, такъ сказать, «любви къ своимъ», которая можетъ заставить всякаго человѣка, помочь, напр., «своему» при *прочихъ равныхъ условіяхъ*, скорѣе и охотнѣе, нежели «чужому». Мы говоримъ «при прочихъ равныхъ условіяхъ», ибо малѣйшій перевѣсъ *реальной* солидарности на сторону «чужого» въ одинъ мигъ повергаетъ въ прахъ весь этотъ націонализмъ. Такъ, сила голландскаго, скажемъ, націонализма способна обнаружиться въ томъ, что голландскій обыватель скорѣе придетъ на помощь голодному голландцу, нежели бельгійцу, но при всемъ томъ его сердцу гораздо любезнѣе бельгійскій консерваторъ, нежели голландскій соціалистъ. Съ такими примитивными націоналистскими чувствами націонализмъ, какъ явленіе крупной общественной важности, и національный вопросъ имѣютъ очень мало общаго. Однако, и отдѣльные классы свободныхъ націй

иногда питаютъ націонализмъ болѣе существенный, но во всякомъ случаѣ лишь *потенціальный*, всегда ждущій благодатной конъюнктуры обстоятельствъ, чтобы обнаружиться въ острой формѣ.

Но всегда надо твердо помнить: подобная конъюнктура обстоятельствъ можетъ наступить лишь въ томъ случаѣ, если задѣто національное достояніе, и именно въ конечномъ счетѣ матеріальное, и къ тому же такъ задѣто, чтобы при этомъ были задѣты и чьи-либо классовые интересы. Ибо центръ тяжести *свободныхъ* націй не въ ихъ національномъ бытіи—вѣдь ихъ *условія* производства вполнѣ нормальны—а въ классовой ихъ структурѣ, въ отношеніяхъ, создающихся въ рамкахъ самаго способа производства. Пока не задѣты національные интересы какого-нибудь класса, до тѣхъ поръ пропаганда націонализма скорѣе всего затемняетъ классовое самосознаніе и поэтому вредоносна.

Вообще, надо замѣтить, аномаліи въ условіяхъ производственной жизни отзываются губительно и на самихъ произведенныхъ отношеніяхъ, на классовой структурѣ. *Нормальныя* условія производства даютъ возможность обостряться классовымъ атагонизмамъ, *ненормальныя* же ихъ *притупляютъ*—общеизвѣстный фактъ. Но въ то же время *нормальныя* условія производства *денаціонализируютъ* народность, притупляютъ ея *національное* самосознаніе, *нормальные же, т. е. отсутствіе какихъ-либо сторонъ національнаго достоянія или урѣзанность его защитныхъ формъ*—гармонизируютъ интересы націи, укрѣпляютъ и обогащаютъ ея національное самосознаніе. Поэтому *между классовымъ и національнымъ самосознаніемъ существуетъ* до извѣстной степени неизгладимый *антагонизмъ*, и оба имѣютъ тенденцію другъ друга затемнять и затушевывать. Иногда интересы индивидовъ націи —конечно, поставленной въ ненормальныя условія производства,—дѣйствительно гармоничны въ одномъ какомъ-либо отношеніи, и однако неумѣренные классовые идеологи, игнорируя національные интересы, важные *и для ихъ класса*, затемняютъ національное самосознаніе, котораго какъ разъ въ этомъ случаѣ не слѣдовало бы затемнять, ибо это вредитъ *и интересамъ класса*. Такой же эффектъ имѣетъ и націоналистская пропаганда тамъ, гдѣ либо нація поставлена въ нормальныя условія, либо же самая пропоганда проповѣдуетъ гармонію интересовъ дальше и шире той области,

гдѣ эта же гармонія дѣйствительно имѣется: въ этомъ послѣднемъ случаѣ націонализмъ затемняетъ классовое самосознаніе, что, конечно, вредно *и для всей націи*, ибо искажаетъ дѣйствительныя соотношенія группъ, создаетъ самообманъ, пустословіе и соціальную близорукость. Затемненіе самосознанія всегда вредно, исходитъ ли оно отъ классовой или отъ національной демагогіи, затушевываются ли національные или классовые интересы, извращается ли реальный строй *условій* производства, или же *отношеній* производства —все равно. И то и другое *реакціонно*.

Пользуясь основнымъ антагонизмомъ, существующимъ между классовымъ и національнымъ самосознаніемъ, господствующіе классы свободныхъ, равно какъ и угнетающихъ націй, склонны иногда вести *лицемѣрную* націоналистскую пропаганду, дабы затемнять классовое самосознаніе своихъ подчиненныхъ. Но это обстоятельство не должно насъ обманывать, будто эти господствующіе классы сами національно настроены. Во всякомъ случаѣ, господствующіе классы не національны, а націоналистичны. Всякая пропаганда, всякое движеніе, корнящееся въ характерѣ *условій* производства общественнаго цѣлаго, называются *націоналистическими*, если затемняютъ классовое и гражданское самосознаніе членовъ этого цѣлаго, если игнорируютъ его классовую структуру и дисгармонію интересовъ, и называются *національными*, если не затушевываютъ классовой структуры общества. «Національный духъ», всякія «культурно-историческія субстанціи» всѣ эти гипостасированныя традиціи являются наилучшими проводниками подобнаго затемненія; ими всегда густо пересыпаны націоналистическія проповѣди, и всякое пустословіе, пестрящее этими понятіями и имъ подобными, не національно, а націоналистично.—Изъ этого основного различія вытекаетъ слѣдующее производное: человѣкъ, *націоналистически* мыслящій, имѣя въ виду безспорный фактъ наличности общаго національнаго характера, свойственнаго всѣмъ членамъ націи, склоненъ изъ-за этого забывать всѣ соціальныя различія индивидуальностей, входящихъ въ ея составъ; человѣкъ же *національно* мыслящій, даже признавая существованіе подобнаго общаго національнаго характера, сложившагося среди общихъ условій производства, однако, понимаетъ: во первыхъ, что черты этого національнаго характера, національно-культурнаго *типа* весьма расплывчаты, неуловимы и

съ трудомъ поддаются регистраціи; во-вторыхъ, что внутри данной національности каждый отдѣльный классъ проявляетъ свои особыя характерныя черты, гораздо рѣзче обнаруженныя и вполнѣ подлежащія регистраціи. Наконецъ, *націоналистически* мыслящій человѣкъ полагаетъ, что всѣ члены націи должны быть націоналистами, возводитъ націонализмъ и патріотизмъ въ священную обязанность; *національно* же мыслящій человѣкъ не усматриваетъ никакой «измѣны» въ томъ, что иные изъ классовъ общества вовсе свободны отъ націонализма, а другіе питаютъ націонализмъ каждый на свой манеръ, въ зависимости отъ своихъ классовыхъ интересовъ.

Крупные аграріи живутъ отчасти, конечно, прибылью на свой капиталъ, но главный источникъ ихъ доходовъ составляетъ до сихъ поръ *земельная рента*. Это заставляетъ ихъ больше всего цѣнить недвижимую земельную собственность; территорія, эта общая база національнаго достоянія, любезна имъ лишь настолько, насколько она представляетъ собою *участокъ земли*. Если бы у нихъ не было другихъ, побочныхъ классовыхъ интересовъ, ихъ націонализмъ, въ существѣ своемъ земельный, могъ бы быть задѣтъ лишь въ томъ случаѣ, если бы какая либо сосѣдняя народность покушалась на самую землю. Интересы же національнаго рынка сами по себѣ отъ нихъ далеки. Но тотъ же классъ занялъ такую переходную историческую позицію, которая ставитъ его въ чрезвычайно многостороннія соотношенія съ національнымъ достояніемъ и его защитными формами. Съ одной стороны этотъ классъ является живымъ рудиментомъ феодализма, а съ другой—онъ въ настоящее время быстро капитализируется и пріобрѣтаетъ, конечно, соотвѣтствующій обликъ. Тамъ, гдѣ онъ еще сохранился до значительной степени, въ странахъ наиболѣе отсталыхъ, онъ все еще ближе всѣхъ другихъ группъ стоитъ къ государственной власти и потому яснѣе всѣхъ отражаетъ ея интересы. Между тѣмъ, въ современномъ классовомъ обществѣ государственный авторитетъ долженъ, насколько это ему доступно, по возможности опираться на уваженіе всего населенія, безъ различія классовъ. Само собой, господство принадлежитъ далеко не всѣмъ группамъ населенія, и государственная власть тѣснѣе всего соприкасается съ однимъ какимъ-либо классомъ; но это не мѣшаетъ ей, съ другой стороны, въ цѣляхъ поддержки сво-

его вліянія, занимать какъ бы над-классовое положеніе, быть верховнымъ судіей въ классовыхъ распряхъ. Но подобное положеніе, можно сохранять лишь поднимая такое знамя, которое высилось бы надъ всѣми соціальными столкновеніями внутри государственнаго организма. Это знамя—національизмъ, національная идея. И вотъ передъ нами странное явленіе: тѣ самые феодалы, которыя никогда не имѣли ровно никакого понятія о «національной идеѣ, миссіи, призваніи», въ настоящее время являются первыми застрѣльщиками этой самой идеи, о которой они узнали только отъ буржуазіи, ихъ же былого врага. Чудо это объясняется исключительно вынужденнымъ якобы сверхклассовымъ положеніемъ аграріевъ. Чтобы не возбуждать недовольства въ подвластномъ населеніи, они должны быть крайне чутки ко всему тому, что имѣетъ самую отдаленную видимость общенаціональнаго значенія. Отсюда эта страшная, прямо изумительная гипертрофія національной обидчивости и щепетильности, національной чести у крупныхъ аграріевъ. Это—постоянный, такъ сказать, взрывчатый матеріалъ національизма; онъ всегда наготовѣ вспыхнуть при малѣйшемъ пустячномъ толчкѣ. Въ феодальную эпоху накопилось много традицій, складъ которыхъ находится у тѣхъ же аграріевъ. И хотя, какъ мы видѣли, національизмъ, въ первую эпоху своего возникновенія и распространенія не имѣлъ ничего общаго съ традиціями, но у крупныхъ аграріевъ традиціонность сплелась съ національизмомъ въ густую, неразрывную сѣть. А такъ какъ они, какъ представители политической власти, всегда на виду у всего міра, то наивные наблюдатели нерѣдко склоняются къ заключенію, будто національизмъ и въ самомъ дѣлѣ по самому существу своему тождественъ съ традиціями. Эта иллюзія не дѣлаетъ чести ихъ наблюдательности.

Все то, что говорится о «традиціонности» національизма, вѣрно *лишь* примѣнительно къ аграріямъ и къ ихъ многочисленнымъ идеологамъ. Вѣрно, что *этотъ* національизмъ *внѣ* данной націи аггрессивенъ и является вѣрнымъ спутникомъ милитаризма; вѣрно, что *внутри* націи онъ консервативенъ и усматриваетъ главную свою задачу въ охраненіи основъ. Вѣрно, что для представителей *этого* національизма всякое недовольство подчиненныхъ окрашивается въ антинаціональный цвѣтъ, принимаетъ характеръ «измѣны», «представительства». Вѣрно, что *этотъ* національизмъ скрадываетъ вся-

кое различіе между «врагомъ внутреннимъ» и «врагомъ внѣшнимъ», склоненъ квалифицировать перваго, какъ союзника второго, какъ „крамольника“, „интригана“.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ вся власть находится въ рукахъ буржуазіи, а аграріи, хотя и сохранились еще, но отстранены отъ кормила правленія. національизмъ-традиціонность аграріевъ проявляется въ видѣ безсильныхъ реакціонныхъ покушеній, и, приближаясь къ близкой могилѣ, по пути знаменуетъ свое печальное шествіе не менѣе печальными скандалами. Таковъ „національизмъ“ во Франціи. По числу скандаловъ можно всегда сосчитать дни, еще остающіеся въ его распоряженіи. Пухомъ земля надъ нимъ, утрамбованная капиталомъ...

Крупный капиталъ не вѣдаетъ традиціи. Если онъ и бываетъ націоналистиченъ, мы можемъ apriori судить, что *такой* національизмъ будетъ чуждъ всякой связи съ традиціями. Крупный капиталъ давно переступилъ узкія границы національнаго языка и скованнаго языкомъ національнаго рынка, и теперь побѣдоносно шагаетъ по необозримому пространству рынка всемірнаго. Въ сбытѣ своихъ товаровъ крупная буржуазія не замкнута сферою распространенія національнаго языка, ибо не вступаетъ въ непосредственное отношеніе съ потребителемъ: потребитель *разговариваетъ* не съ *фабрикантомъ*, а съ *лавочникомъ*. Къ услугамъ фабриканта, который не знаетъ никакого языка, кромѣ своего родного, всегда имѣются письмоводители и бухгалтеры, которые переписываются съ иностранными фирмами. Еще слабѣе, чѣмъ крупный промышленникъ, связанъ съ мѣстнымъ рынкомъ тузъ-финанситъ, накладывающій свою руку на весь ходъ современнаго хозяйства. Крупная буржуазія не ведетъ *внутренней* національной политики. Ея шовинизмъ стремится къ захвату мірового рынка, сосредоточивается весь въ области внѣшней и колонизаціонной политики, она не просто націоналистична, она *имперіалистична* (въ *англійскомъ и американскомъ* смыслѣ этого слова); она мечтаатъ о всесвѣтномъ могуществѣ національнаго капитала, она хотѣла бы вытѣснить съ мірового рынка всѣ «чужіе» капиталы—дабы получать возможно высшую прибыль («процентъ»). Но она очень рѣдко оперируетъ такими тонкостями, какъ „національно-культурный духъ“ и т. п. Ея уму и сердцу гораздо милѣе штыки, шрапнель и броненосцы. Ее очень мало трогаютъ во-

просы языка, національнаго воспитанія, ее гораздо больше заботитъ военный и морской бюджетъ. Къ тому же эта буржуазія почти что не имѣетъ идеологовъ среди интеллигенціи, никто не беретъ на себя труда формулировать ея жизнесозерцаніе, если не считать повседневной крупной прессы. Эта послѣдняя очень неразборчива въ средствахъ для шовинистской деморализаціи; понятія, которыми она начиняетъ «джингоистскую» публику, берутся ею изъ всякаго націоналистическаго арсенала, каковъ бы онъ ни былъ; свое фельеотонное оружіе она куетъ изъ заржавѣлыхъ шлемовъ и панцырей, въ которые облачались во время оно предки нашихъ аграріевъ. Но по существу своему, повторяемъ, эта группа со своимъ специфическимъ націонализмомъ далека отъ традицій, хотя и является господствующимъ классомъ современности. Это обстоятельство не мѣшало бы помнить всѣмъ присяжнымъ прокурорамъ націонализма; оно воочію опровергаетъ ходячее фиктивное равенство: «націонализмъ=традиціонность=господство».

Затѣмъ слѣдуетъ средня и мелкая буржуазія. Для нея территорія имѣетъ не то значеніе земельнаго участка, какъ у аграріевъ; нѣтъ, территорія для нея означаетъ *потребительскій рынокъ*. И весь ея націонализмъ черпается изъ интересовъ этого рынка, очертанія котораго совпадаютъ съ границами господства родного языка. Ближайшій покупатель долженъ говорить на томъ же языкѣ, что и ближайшій продавецъ. Отсюда: средній обыватель заинтересованъ въ томъ, чтобы возможно больше людей говорили на его языкѣ. *Этотъ* типъ націонализма хорошо выясненъ и описанъ автономистами (которые, впрочемъ, впали въ ошибку, принявъ его за образецъ всякаго націонализма). Поэтому мы не будемъ на немъ долго останавливаться. Эта буржуазія является главною опорой—конечно, не единственною—той политики, которая всячески стѣсняетъ свободу чужихъ языковъ. Сущность національности она усматриваетъ въ языкѣ и во всемъ томъ, что съ нимъ связано: въ традиціонной культурѣ, воспитаніи и т. д. Иногда бываетъ, что крупные аграріи господствующей націи, желая завладѣть учтстками земли, на которыхъ живетъ угнетенная народность, стремятся ассимилировать ея землю; въ этихъ цѣляхъ они надѣваютъ на себя культуртрегерскую маску, подавляютъ языкъ той націи, которую они желали бы ассимилировать, урѣзываютъ ея воспитаніе. Въ

этомъ благомъ предпріятіи лучшимъ ихъ союзникомъ, проводникомъ „культуртрегерской“ миссіи является средній и мелкій буржуа. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь припомнить факты ассимиляторской политики въ прусской Силезіи.

Идеологи этого класса пользуются тою же фразеологіей, что и аграріи, съ которыми они имѣютъ еще то общее, что занимая серединное, межеумочное положеніе между главными двумя классами общества, они имѣютъ слабость мнить себя превыше классовыхъ раздоровъ. Съ другой стороны, они цѣпко держатся за ту сравнительно небольшую собственность, что еще уцѣлѣла въ ихъ рукахъ. Они страшно боятся всякихъ общественныхъ потрясеній, ибо это грозитъ имъ крахомъ и раззореніемъ. Ихъ фетишъ—порядокъ. Ихъ кошмаръ—бунтъ. Съ другой стороны, они въ общемъ сильно обозлены—злоба людей, на которыхъ надвигается безпощадный рокъ обнищанія, и которые не умѣютъ бороться за свое будущее, не умѣютъ открыто посмотрѣть ему въ глаза. Имъ всюду, во всемъ, сколько-нибудь необычномъ, странномъ, чуждомъ мерещатся вѣчные заговоры, подвохи. интриги. Тусклый и низкій небосклонъ ихъ умственнаго горизонта не позволяетъ имъ подняться надъ будничной обывательщиной. При такихъ условіяхъ въ нихъ свили себѣ очень прочное гнѣздо разные націоналистическіе предразсудки и суевѣрія «Мы» и «они», «нашъ» и «чужой»—въ тиски этой полярной противоположности захваченъ цѣликомъ ихъ убогій кругозоръ. Наконецъ, это классъ, индивиды котораго раздираются постоянной конкуренціей, они готовы другъ друга потопить; они не имѣютъ обще плоскости, гдѣ сходились бы ихъ классовые интересы, у нихъ нѣтъ мѣста классовому самосознанію, съ тѣмъ большей силой проявляется національное. Они—оплотъ порядка и законности, они готовы яростно оборонять *всякій* существующій строй. И эта среда тоже создаетъ свои „идеалы“, питаетъ евои худосочныя вожделѣнія—но объ этомъ здѣсь не мѣсто распространяться. Для насъ важно, что средняя и мелкая буржуазія, будучи непосредственно заинтересована въ охранѣ внутреннято рынка, благодаря этому косвенно поддерживаетъ и шовинистскую, внутреннюю и внѣшнюю политику аграріевъ. Самостоятельной роли этотъ жалкій типъ націонализма не играетъ, и, лишившись мощнаго союзника въ лицѣ аграріевъ, обреченъ на вырожденіе

въ то блѣдное сознаніе рода, о которомъ мы упомянули выше Чѣмъ быстрѣе деклассируется эта плотная обывательская масса, чѣмъ больше она выдѣляетъ изъ себя съ одной стороны въ пролетаріатъ, а съ другой—въ крупную буржуазію, тѣмъ быстрѣе вымираетъ и этотъ чахлый типъ націонализма.

Нѣкоторыя группы средне—и мелкобуржазной интеллигенціи, именно тѣ, что подвизаются на поприщѣ національной культуры—учителя, историки, иные литераторы, художники, пѣвцы—склонны къ мирной, не воинственной формѣ добропорядочнаго благочиннаго „культурнаго" націонализма. У нихъ довольно широко распространено признаніе права каждой націи на самоопредѣленіе, они не мечтаютъ объ истребленіи всѣхъ другихъ націй, не намѣрены никого поглощать. Будучи либеральны—подчасъ даже радикальны—во внутренней политикѣ, они практикуютъ то же и въ отношеніи къ инородцамъ. Но они все-таки любятъ и предпочитаютъ „свое" —„чужому"' проникнуты нѣкоторымъ особымъ сердечнымъ благоговѣніемъ къ памятникамъ родной культуры. Не питая національной заносчивости, они, однако имѣютъ національную гордость. Наиболѣе развитые интеллектуально и передовые изъ нихъ не отрицаютъ и классовой структуры общества, но мало интересуются ею, ибо вообще не любятъ борьбы и брацянья мечей. Въ нихъ закоченѣли первоначальныя настроенія буржуазнаго націонализма дореволюціоннаго времени; въ нихъ застыли демократическія традиціи *народническаго* націонализма. Этотъ типъ, какъ мы указывали, носитъ также имя „духовнаго" націонализма. Если аграріи и плетущаяся вслѣдъ за ними масса обывателей пропроизносятъ громкія фразы о всякихъ культурно-національныхъ фикціяхъ, не вдумываясь въ ихъ содержаніе, то, наоборотъ, подобные идеологи подвергаютъ эти фикціи, въ которыя и они глубоко вѣрятъ, тонкому, зачастую даже плодотворному, хотя во всякомъ случаѣ не критическому, а догматическому анализу и создаютъ разныя причудливыя націоналистическія теоріи. Тема во всѣхъ варіаціяхъ остается одна и та же—національная „культура", но узоры разные, въ зависимости отъ личнаго вкуса даннаго мыслителя.

До сихъ поръ мы изслѣдовали націонализмъ господствующихъ классовъ. Онъ оказывается довольно разношерстнымъ. Конечно, между аграріями, крупной буржуазіей, среднею и мелкою нельзя провести рѣзкой демаркаціонной черты даже

въ экономическомъ отношеніи; тѣмъ труднѣе это сдѣлать въ отношеніи ихъ націоналистской идеологіи. Имѣются безсчетные и неуловимые оттѣнки, сближающіе одинъ типъ націонализма съ другимъ и для невнимательнаго взора сливающіе ихъ въ одно цѣлое. Однако, матеріалистическое пониманіе исторіи учитъ насъ всюду различать оттѣнки и основы, всюду расчленять то, что для поверхностнаго взора сливается въ одно цѣлое.

Не слѣдуетъ думать, поддаваясь общераспространенному заблужденію, будто пролетаріатъ стоитъ внѣ отношеній къ національному достоянію, а потому лишенъ національныхъ чувствъ и интересовъ. И на пролетаріатѣ такъ или иначе отзывается строй условій производственной жизни,—ибо вообще внѣ этихъ условій не находится никакой классъ общества. Забудемъ голословныя, чрезвычайно опасныя глупости, которыя обыкновенно ходятъ въ передовой публикѣ на этотъ счетъ. Будемъ помнить, что если общая база и вмѣстилище условій производства—территорія—имѣетъ для аграріевъ значеніе земельной собственности и опоры политическаго могущества, а для среднихъ классовъ общества—значеніе потребительскаго рынка; если защитныя формы національнаго достоянія представляютъ для этихъ классовъ соотвѣтствующую цѣнность—то и для пролетаріата территорія имѣетъ свое значеніе, именно *рабочаго плаца*, и защитныя ея формы соотвѣтственную цѣнность. Подробно гововорить о соприкасающихся вопросахъ мы не можемъ, за недостаткомъ мѣста, но кое-что должны выяснить. Рабочій, будь онъ тысячу разъ ангелъ въ человѣческомъ образѣ (какъ на милліоны ладовъ увѣряютъ насъ агитаторы-демагоги) все же долженъ ѣсть, а для этого--больше, чѣмъ кто либо другой—работать; безработица для него непріятная вещь. Мы хотѣли бы здѣсь отмѣтить, что даже Марксъ признавалъ фактъ *конкурренціи* между рабочими (предвидя, что оппоненты притворятся совершенно не знающими этого—мы имъ посовѣтуемъ внимательнѣе прочесть послѣднія страницы изъ „Misère de la Philosophie",—именно, конкурренціи изъ-за *рабочаго плаца*. У совершенно дикихъ рабочихъ дѣло доходитъ до побоищъ между рабочими мѣстными и иногородними, хотя бы соотечественниками; но и болѣе культурные рабочіе не избавлены отъ конкуррентскихъ чувствъ высшаго порядка. Они, конечно, не станутъ драться съ

иногородцами, но наплывъ сбивающихъ плату чужестранцевъ слишкомъ больно затрагиваетъ интересы даже самаго культурнаго рабочаго, чтобы онъ могъ остаться хладнокровнымъ. Люди, мыслительныя способности которыхъ въ корнѣ отравлены партійнымъ празднословіемъ—то бишь вульгарной агитаціей, начнутъ вопить о кощунственномъ нарушеніи ихъ священнѣйшихъ завѣтовъ, если имъ указать на факты, подтверждающіе наши слова. Но нужны ли намъ болѣе убѣдительныя доказательства, чѣмъ хотя бы то, что напримѣръ, мюнхенская газета Фольмара спѣшитъ забить тревогу каждый разъ, когда баварскіе предприниматели, частные или казенные, даютъ работу итальянцамъ вмѣсто нѣмцевъ? А вѣдь Фольмаръ стоитъ во главѣ громадной партіи, и, несмотря на то, что онъ ревизіонистъ, все же является весьма желаннымъ genosse, скажемъ, на іенскомъ партейтагѣ. Или взять политику австралазійскихъ правительствъ по отношенію къ иммигрантамъ—вѣдь ясно, что не въ интересахъ капитала эти ограничечія въѣзда, а въ интересахъ труда [1]).

Мы уже не говоримъ о поведеніи американскаго про-

[1]) Примѣръ Австралазійскихъ правительствъ убѣдительнѣе и чище, проще по составу, нежели политика англійскаго и союзно-американскаго правительствъ. Въ Австраліи и Новой Зеландіи рабочіе имѣютъ громадное вліяніе на политику, въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ почти никакого. Ясно, однако, что и въ послѣднихъ двухъ странахъ рабочіе сильно заинтересованы въ ограниченіи въѣзда иммигрантовъ. Но не встрѣчай рабочіе поддержку въ другихъ классахъ общества Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, въ классахъ, болѣе вліятельныхъ, имъ бы не удалосч провести собственными силами ограниченія въѣзда иммигрантовъ. Въ ограниченіи въѣзда иммигрантовъ заинтересованы: а) мелкая торгово-промышленная буржуазія, такъ какъ значительная часть иммигрантовъ, не находя заработка въ мастерскихъ, вынуждена браться за торговлю и ремесло и вступать въ конкурренцію съ туземными лавочниками и ремесленниками; б) крупные и средніе предприниматели, которые терпятъ отъ конкурренціи нотогонныхъ мастерскихъ: главный же контигентъ рабочихъ въ этихъ мастерскихъ вербуется изъ иммигрантовъ; не будь иммиграціи, не было бы и этой неуловимой конкурренціи, которая не поддается никакой регламентаціи; в) безработные и необезпеченные неквалифицированные рабочіе, сильнѣе и ближе всѣхъ страдающіе отъ наплыва безработныхъ иммигрантовъ.—Протестъ съѣзда тредъ-юніоновъ противъ Alien-Bill'я ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ тредъ-юніоны состоятъ именно изъ рабочихъ квалифицированныхъ и обезпеченныхъ; они составляютъ самую незначительную часть общаго рабочаго населенія Англіи, и ихъ интересы привилегированной кучки нельзя смѣшивать съ интересами всей рабочей массы.

летаріата въ отношеніи китайскихъ кули—громкіе факты погромовъ надъ китайцами-рабочими достаточно извѣстны читателю. Если узкое доктринерство не хочетъ со всѣмъ этимъ считаться, то трудно разсчитывать, чтобы его умственная невинность поколебалась отъ указанія на то, что даже партійные теоретики вынуждены удѣлять все болѣе вниманія національному вопросу, изъ чего, конечно, ясно слѣдуетъ, что и пролетаріату не чуждъ этотъ проклятый вопросъ. Но ближайшая плоскость, на которой можетъ произойти соприкосновеніе рабочаго съ національнымъ вопросомъ—это территорія, какъ рабочій плацъ. Есть и другіе относящіеся туда же интересы рабочаго. Таковы интересы культурные, языка, воспитанія, литературы. Все это имѣетъ значеніе лишь, какъ средство развитія классового самосознанія; но это послѣднее получаетъ свою дѣйствительную пищу не въ «культурѣ», а въ процессахъ борьбы. Борьба же можетъ происходить лишь тамъ, гдѣ рабочій трудится т. е. гдѣ онъ уже занялъ какой-нибудь плацъ, и чѣмъ болѣе шатко его положеніе на этомъ плацѣ, тѣмъ меньше почвы для планомѣрной борьбы. Пока рабочій не занялъ плаца, онъ не можетъ везти борьбы; въ его прямыхъ интересахъ и отстаивать свой плацъ. И съ какой стороны мы не пойдемъ къ національному вопросу, какъ, онъ существуетъ для пролетаріата, мы, даже наткнувшись сразу на культурныя нужды, дальше всегда проникнемъ къ матеріальной основѣ, т. е. къ вопросу о рабочемъ—и стратегическомъ—плацѣ [1]).

Такъ какъ всѣ національные интересы пролетаріата относятся къ территоріи лишь какъ къ рабочему и стратегическому *плацу*, то націонализмъ пролетаріата можно обозначить, какъ *локализмъ*.

Пока рабочіе данной нации еще не обезпечили за собою своего плаца, до тѣхъ поръ вопросъ *работы* имѣетъ для нихъ неизмѣримо болѣе жгучее значеніе, нежели вопросъ

[1]) Автономисты совершенно не въ матеріалистическомъ духѣ игнорируютъ эту матеріальную базу пролетарскаго національнаго вопроса, и всю суть его сводятъ къ культурѣ, какъ средству развитія классового самосознанія. Но заботиться о борьбѣ, не имѣя плаца—не думая о плацѣ, нелѣпо. Во всякомъ случаѣ, не въ культурѣ долженъ историческій матеріалистъ усматривать реальное содержаніе общественнаго вопроса. Въ этомъ первородный грѣхъ автономизма, явный показатель его несостоятельности.

борьбы. Ясно, что вопросъ *работы* имѣетъ не чисто-классовое значеніе, а національное: англійскому рабочему приходится отстаивать свой плацъ не противъ покушенія капиталиста, а противъ пріѣзжаго рабочаго же. Пока не обезпеченъ національный рабочій плацъ, національный вопросъ. такимъ образомъ, перевѣшиваетъ чисто-рабочій вопросъ. Поэтому, во-первыхъ, *пролетаризующіяся массы*, ищущія работы, по общему правилу (исключая рѣдкіе случаи, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться), невоспріимчивы къ классовому самосознанію и настроены только націоналистически: во-вторыхъ, даже у *культурнаго пролетаріата* классовое самосознаніе сильно затемняется національнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ вынужденъ защищать свой національный рабочій плацъ. Постояннная иммиграція чужестранныхъ рабочихъ въ Англію и Соединеные Штаты Сѣв. Америки, и вѣчно грозящая отсюда опасность англійскому и американскому рабочему плацу, сильно обостряя національное самосознаніе мѣстныхъ рабочихъ, тѣмъ самымъ препятствуютъ развитію ихъ классоваго самосознанія. Это—одна изъ главныхъ причинъ того, что рабочее движеніе тамъ не вышло еще изъ рамокъ трэдъ - юніонизма. Правовѣрнымъ догматикамъ марксизма до сихъ поръ не удавалось объяснить странный фактъ отсталости англійскаго и американскаго пролетаріата; а фактъ этотъ, надо признаться, комомъ застрялъ въ ихъ горлѣ; о него разбиваются всѣ ходячія вѣрованія марксизма. И факта этого не объясняютъ *принципы* марксизма, ибо онъ мало связанъ съ производительными *отношеніями*, о которыхъ марксисты единственно и думаютъ; нѣтъ, для объясненія надо призвать опальныя *оговорки* марксизма, надо обратиться къ анализу *условій* англійской и американской производственной жизни, надо глубже и внимательнѣе отнестись къ національному вопросу, надо рѣшиться разъ навсегда отринуть вульгарные предразсудки. И надо, наконецъ, понять, что классовое самосознаніе не можетъ нормально развиваться тамъ, гдѣ не разрѣшенъ національный вопросъ, въ какой бы формѣ онъ ни существовалъ.

Таковы простѣйшіе классовые моменты національнаго вопроса. Теперь попытаемся въ нѣсколькихъ основныхъ штрихахъ очертить общую его картину.

Въ феодальную эпоху, въ нѣдрахъ различныхъ относительно-замкнутыхъ совокупностей условій производства,

сформировались *народы* съ относительно-опредѣленными чертами народной физіономіи и характера. Съ развитіемъ капиталиста на лонѣ феодальнаго хозяйства обнаружилось *двойное* матеріальное, хозяйственно-экономическое несоотвтствіе. Съ одной стороны, не соотвѣтствовали назрѣвшія новыя *производительныя силы* застывшимъ феодальнымъ *производительнымъ отношеніямъ*; это несоотвѣтствіе было вгего ощутительнѣе для буржуазіи, для третьяго сословія, которое и взяло на себя иниціативу его устраненія. Несоотвѣтсствіе между производительными силами и производительными отношеніями порождаетъ *соціальные вопросы* и разрѣшается освобожденіемъ угнетеннаго класса. Это и было сдѣлано французскою революціей. Съ другой стороны, тотъ же феодальный строй, раздробляя народы и ихъ территоріи безчисленными крѣпостными перегородками, вызвалъ несоотвѣтствіе между назрѣвающими *производительными силами* капитализма и застывшею системою *условій производства*; это несоотвѣтствіе было равно ощутительно для всѣхъ классовъ тогдашняго общества и создавало видимость общенаціональной гармоніи; изъ этой иллюзорной гармоніи были исключены только господствующіе классы того времени. Всякое противорѣчіе между стремящимися къ расширенію производительными силами и сковывающими ихъ условіями производства порождаетъ *національные вопросы*, и можетъ быть разрѣшено лишь освобожденіемъ угнетенной націи. Въ эпоху французской революціи всѣ стѣсненные классы чувствовали себя единою націей, которую угнетаютъ верхи, и націонализмъ, какъ таковой, впервые проявился не въ внѣшней политикѣ господствующихъ классовъ, а именно во внутренней политикѣ классовъ подавленныхъ. Лишь впослѣдствіи націонализмъ, въ современномъ смыслѣ слова, былъ перенесенъ во внѣшнюю политику.

Вскорѣ послѣ побѣды возмужавшаго капитала надъ крѣпостничествомъ оказалось, что расширеніе его производительныхъ силъ встрѣчаетъ себѣ препятствіе уже не только со стороны производительныхъ отношеній внутри относительно-замкнутыхъ общественныхъ цѣлыхъ, но и со стороны самихъ относительно-замкнутыхъ совокупностей условій производства. Каждое общественное цѣлое, естественно стремясь къ расширенію сферы свого производства, наталкивается на сопротивленіе сосѣднихъ цѣлыхъ. Такимъ обра-

зомъ, развитіе капиталистическаго хозяйства выдвинуло на очередь *національный вопросъ* въ современномъ смыслѣ этого слова; оно же превратило прежніе *народы* въ современныя *націи*, создавши основу для выработки *сознанія родства на почвѣ общаго историческаго прошлаго*, т. е. на почвѣ общихъ условій производственной жизни. Національный вопросъ, коренясь во взаимномъ давленіи относительно-замкнутыхъ соціально-экономическихъ организмовъ, обнаруживается въ явленіяхъ *національной конкурренціи*. Конкурренція происходитъ не отъ какихъ-либо злобныхъ и эгоистическихъ замысловъ господствующихъ классовъ, а отъ необходимаго стремленія капиталистическаго хозяйства къ расширенію. Поэтому, чувства, возникающія на почвѣ этой конкурренціи, представляются людямъ, пропитаннымъ этими чувствами, какъ нѣчто свободное отъ всякой связи съ матеріальной жизнью. Личность, носительница національныхъ интересовъ, и эмоцій, не видя глубокой экономической основы этихъ чувствъ, утрачиваетъ сознаніе ихъ мотивировки,—и *національныя чувства имѣютъ характеръ безповодныхъ, безкорыстныхъ*. Психическій подборъ, дѣйствующій въ средѣ индивидовъ, укрѣплкетъ за національными чувствами этотъ ихъ безповодный характеръ. На этой почвѣ выростаютъ и развѣтвляются причудливыя, сложныя націоналистическія идеологіи, которыя, въ силу принципіальнаго антагонизма, существующаго между самосознаніемъ классовымъ и національнымъ, имѣютъ тенденцію притуплять и затемнять классовое самосознаніе.

Капиталистическое хозяйство принесло съ собою національный вопросъ не только для буржуазіи, но для всѣхъ классовъ общества, ибо всѣ онѣ въ той или иной формѣ причастны къ національной конкуренціи, и для всѣхъ ихъ территорія - это вмѣстилище условій производства —имѣетъ свое значеніе тою или иною изъ своихъ сторонъ.

Изслѣдователи, игнорирующіе роль условій производства, приковавшіе свой взоръ исключительно къ его отношеніямъ, не въ состояніи постичь національный вопросъ. Для нихъ должно оставаться неразрѣшимою тайною слѣдующее явное противорѣчіе капиталистическаго хозяйства: это послѣднее, съ одной стороны, выступаетъ въ качествѣ интернаціональнаго, разрушаетъ всѣ разграниченія сословій и народовъ, подкашиваетъ всѣ традиціи; съ другой стороны

оно-же обостряетъ національную борьбу и усиливаетъ національное самосознаніе. Какимъ образомъ это возможно, чтобы одновременно съ распаденіемъ относительной замкнутости и экономическимъ сближеніемъ общественныхъ цѣлыхъ, составляющихъ современное человѣчество, происходило явное обостреніе національнаго вопроса и развитіе національныхъ движеній? Вотъ вопросъ, не рѣшивъ котораго историческій матеріалистъ долженъ путаться въ безысходныхъ противорѣчіяхъ или же застрять на предвзятомъ и близорукомъ дотринерствѣ. Hic Rhodus, hic salta! Каутскій неоднократно уже пробовалъ перепрыгнуть черезъ проблему, но при этомъ всегда измѣнялъ своему матеріалистическому міровозрѣнію. Впрочемъ, надо признать, что въ рядѣ статей, посвященныхъ національному впросу, Каутскій постепенно приближается къ той теоріи, которую мы здѣсь излагаемъ. Для этой теоріи отвѣтъ на вышеприведенную загадку совершенно ясенъ. Принимая въ разсчетъ, что человѣчество раздѣлено на группы, живущія въ различныхъ относительно-замкнутыхъ совокупностяхъ условій производства, мы поймемъ, что самое имманентно присущее капиталу стремленіе къ расширенію должно производить треніе между этими относительно-замкнутыми группами. Самая тенденція капитала къ интернаціонализаціи производства вызываетъ къ жизни національный вопросъ. Одна сторона выше изложеннаго противорѣчія для насъ является *причиною*, другая—*слѣдствіемъ*. Это одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыми такъ изобилуетъ современное хозяйство.

Національный вопросъ, равно какъ превращеніе народовъ въ націи, есть результатъ капиталистическаго способа производства. Отсюда самъ собою напрашивается выводъ, что національная *борьба* должна исчезнуть вмѣстѣ съ классовой *борьбой*. Но подобное заключеніе было бы преждевременнымъ. Еще болѣе скороспѣлымъ и рискованнымъ долженъ всякій серьезный изслѣдователь признать утвержденіе, гласящее, что одновременно съ классовыми *различіями* уничтожатся и *различія* національностей. Останавливаться на этомъ вопросѣ мы не намѣрены, ибо считаемъ его въ высшей степени гадательнымъ и къ тому же совершенно празднымъ *Для насъ* національный вопросъ есть задача сегодняшняго дня; а что будетъ по истеченіи столѣтій, уцѣлѣютъ ли націи или же сольются другъ съ другомъ, этого мы предрѣ-

шать не можемъ и нисколько по этому поводу не тревожимся.

У свободныхъ націй, никого не угнстающихъ, и никѣмъ не угнетаемыхъ, націонализмъ, какъ стремленіе къ расширенію своей производственной сферы, находится, какъ мы уже говорили, въ состояніи *потенціальной* энергіи. Но при первой возможности, создаваемой какою-либо конъюнктурой обстоятельствъ, эта энергія переходитъ въ кинетическое, дѣйственное состояніе. Легче всего выходятъ изъ равновѣсія классы господствующіе, ибо имъ неизбѣжно присуща тенденція къ захвату мірового рынка или же къ расширенію внутренняго потребительскаго рынка. Въ такіе моменты нарушенія равновѣсія тлѣвшія дотолѣ безобиднымъ огонькомъ націоналистскія чувства разгораются во всепожирающее пламя. Если націонализмъ исходитъ изъ стремленія къ *расширенію* собственнаго рынка, онъ принимаетъ *агрессивный сознательно-воинственный* хкрактеръ. Средствомъ служитъ завоевательная политика и нассильственная ассимиляція.

Пролетаріатъ и пролетаризирущіяся массы, какъ извѣстно, почти не имѣютъ прямого вліянія на международную политику. Стремленіе расширить рабочій рынокъ и рабочій плацъ не можетъ обнаружиться въ завоевательной политикѣ. Единственнымъ средствомъ расширенія является *мирная иммиграція* въ чужія страны. Выдавленный изъ своей сферы условій производственной жизни, кочующій рабочій не чувствуетъ глубокой связи съ родиной, и если бы не побочныя обстоятельства, не традиціи воспитанія, не родственныя узы съ оставленными дома земляками, эмигрирующій рабочій не проявлялъ бы и тѣхъ чахлыхъ рудиментовъ привязанности къ отечеству, которые въ немъ еще иногда, хотя и безобидно сказываются. Эмигрирующія массы, скитающіяся по свѣту въ поискахъ за работой, сами не ведутъ никакой національной политики.—Не то приходится сказать о пролетаріатѣ тѣхъ странъ, куда эмигранты направляются. Здѣсь уже является стремленіе отстоять свой рабочій плацъ, и въ связи съ этимъ обостряется національное самосознаніе, принимая у пролетаріата свободныхъ націй рѣзко обозначенный *воинственно-оборонительный* характеръ антіаліенизма. То же въ еще сильнѣйшей мѣрѣ обнаруживается въ настроеніи и поведеніи мѣстныхъ, туземныхъ пролетаризирующихся массъ, которыя еще больше, нежели пролетаріатъ, заинтересованы въ неприкосновенности національнаго рабочаго плаца.

Мы видимъ, во первыхъ, что для пролетаріата національный вопросъ въ существѣ своемъ сливается съ вопросомъ имми-и-эмиграціоннымъ,—въ чемъ сказывается локалистическій характеръ пролетарскаго націонализма; во-вторыхъ, у народовъ свободныхъ, никѣмъ не угнетаемыхъ, націонализмъ, обнаруживаетъ чрезвычайно разнородныя варіаціи въ зависимости отъ того, проявляютъ ли его господствующіе классы или же подчиненные.

Въ гораздо болѣе однородномъ освѣщеніи выступаетъ націонализмъ у народностей подавленныхъ. Эти послѣднія всегда поставлены въ *ненормальныя* условія производственной жизни. Условія производства, какъ мы уже упоминали выше, ненормальны въ томъ случаѣ, если отсутствуютъ или урѣзаны территорія и ея защитныя формы—политическая самостоятельность, свобода языка и культурнаго развитія. Такія ненормальныя условія, какъ мы видѣли, гармонизируютъ интересы членовъ націи. Благодаря внѣшнему давленію, извращающему и дезорганизующему вліяніе условій производства, самыя производственныя отношенія и классовая борьба стѣсняются въ своемъ развитіи, ибо стѣсняется цравильное теченіе способа производства. Классовые антагонизмы ненормально притупляются, и съ тѣмъ большей силой выступаетъ національная солидарность. Помимо особыхъ интересовъ каждаго отдѣльнаго класса, нарушаемыхъ гнетомъ извнѣ, помимо того, что буржуазія стѣснена на рынкѣ, а пролетаріатъ лишенъ свободы распоряженія своимъ плацомъ,—гнетъ даетъ себя чувствовать всѣмъ индивидамъ націи, и всѣ они къ тому же чувствуютъ и понимаютъ, что гнетъ этотъ—національный, исходитъ отъ чуждой націи и направленъ противъ ихъ національности, какъ таковой. Языкъ, напр., здѣсь уже получаетъ значеніе гораздо высшее, нежели простого средства охраны рынка; когда стѣснена свобода языка, угнетенный тѣмъ сильнѣе къ нему привязывается, какъ съ самодовлѣющей цѣнности. Словомъ, національный вопросъ для подавленнаго народа сильно отрѣшается отъ связи съ его основой, съ матеріальными условіями производственной жизни, культурные запросы пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе, и всѣ члены націи заинтересованы въ *свободѣ національнаго самоопредѣленія.*

II-6482

Тѣ группы угнетенной народности, которыя вообще почему либо связаны съ традиціонностью—таковы слои среднебуржуазные, больше же всего духовенство, аграріи, дѣятели національнаго воспитанія и національной литературы--окрашиваютъ и традиціонность въ національный цвѣтъ. Но главными дѣятелями національнаго освобожденія являются настроеніе этихъ слоевъ. – и интеллигенціи. И вотъ, если эти послѣдніе стоятъ на достаточной высотѣ умственнаго развитія, если они сами освободились отъ узкихъ рамокъ традиціоннаго кругозора, тогда и ихъ націонализмъ возвышается надъ традиціями и пріобрѣтаетъ чистый, *реальный* характеръ. Освободительный процессъ по существу своему не націоналистиченъ, а націоналенъ; у передовыхъ элементовъ угнетенной націи развивается *реальный націонализмъ*, который не мечтаетъ о сохраненіи традицій, не гипостасируетъ ихъ, не обманываетъ себя фиктивнымъ единствомъ націи, ни для кого не дѣлаетъ обязательными своихъ идеаловъ и, ясно понимая классовую группировку общества, не затушевываетъ ничьихъ реальныхъ интересовъ.

Реальный націонализмъ—это именно тотъ типъ, который не затемняетъ классоваго самосознанія. Встрѣчается онъ только въ средѣ передовыхъ элементовъ угнетенныхъ націй. Цѣлью своею онъ ставитъ реальное освобожденіе націи, нормализацію ея условій и отношеній производства, созданіе реальныхъ, матеріальныхъ условій, необходимыхъ для дѣйствительной свободы національнаго самоопредѣленія. Условія же эти—полотна защитныхъ формъ національнаго достоянія. Реальный націонализмъ стремится поставить націю въ свободное распоряженіе своимъ самостоятельнымъ достояніемъ. Когда достигнута будетъ эта цѣль, запача реальнаго націонализма выполнена, и на мѣсто прежней солидарности національныхъ интересовъ въ извѣстныхъ освободительныхъ отношеніяхъ, солидарности вынужденной и ненормальной, снова въ яркой формѣ выступитъ здоровая классовая структура и классовая борьба.

Погрессивнѣйшіе слои угнетенной націи, тѣ, которые стоятъ на самомъ гребнѣ волны развитія, тѣ, которые видятъ дальше всѣхъ, питаютъ настроеніе реальнаго націонализма.